

УДК 159.923

## УРОВНЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТИ

Т. О. Сафонова, И. С. Морозова

## THE CHARACTERISTICS OF LEVELS OF SELF-CONTROL OF THE PERSON

T. O. Safonova, I. S. Morosova

*В статье рассмотрена проблема саморегуляции личности, описаны уровневые характеристики регуляции. Саморегуляция рассматривается на уровне индивидуальной организации, личностной и на уровне субъекта деятельности.*

*In article the problem of self-control of the person is considered, levels and regulation characteristics are described. Self-control is considered at level of the individual, the person and at level of the subject of activity.*

**Ключевые слова:** личность, саморегуляция.

**Keywords:** the person, self-control.

Проявления личностных особенностей человека при взаимодействии с окружающим миром крайне разнообразны. Они имеют свою специфику для различных видов активности человека и по-разному проявляются в зависимости от особенностей деятельности, в которой реализуются. В то же время, наблюдая за человеком, сложной палитрой его поведения, особенностями общения, восприятия событий, эмоциональными реакциями в различных жизненных обстоятельствах, мы всегда видим в том, как человек действует, и нечто общее, целостное и типичное, характеризующее его уникальную целостную личность.

По мнению А. Н. Леонтьева, личность – это психологическое образование особого типа, порождаемое жизнью человека в обществе. «Независимо от накапливаемого человеком опыта, от событий, которые меняют жизненное положение, наконец, независимо от происходящих физических его изменений, он как личность остаётся и в глазах других людей, и для самого себя тем же самым». Личность всегда выступает как член общества, как исполнитель определённых общественных функций [11].

Общий подход к пониманию проблемы личности, обозначенный А. Н. Леонтьевым, нашёл своё развитие в работах А. В. Петровского. Он даёт следующее определение личности: «Личностью в психологии обозначается системное социальное качество, приобретаемое индивидом в предметной деятельности и общении и характеризующее уровень и качество представленности общественных отношений в индивиде» [18].

Наряду с понятием «личность» употребляются термины «индивид», «субъект деятельности». Содержательно эти понятия переплетены между собой. Анализ каждого из этих понятий, их соотношение с понятием «личность» позволит более полно раскрыть понимание проблемы уровневых характеристик саморегуляции.

Однако, чтобы понять личность как неповторимую целостную индивидуальность, нужно представить человека как открытую и закрытую систему. Эта закрытость является результатом внутренней взаимосвязанности свойств человека как личности, индивида и субъекта. Согласно Б. Г. Ананьеву, лич-

ность трактуется, с одной стороны, как открытая система, взаимодействующая с миром и им детерминированная, а с другой стороны, – как закрытая, замкнутая система вследствие внутренней взаимосвязанности ее свойств, «встроенная в открытую систему взаимодействия с внешним миром, образующая самосознание и «я» как ядро человеческой личности» [3]. Благодаря этому противоречивому сочетанию, сознание человека является одновременно субъективным отражением объективной действительности и внутренним миром личности. Этот внутренний мир путем экстернизации проявляется в поведении и деятельности человека. Через сложные переходы из закрытой системы в открытую человек вносит свой индивидуальный вклад в материальную и духовную культуру своего общества и человечества. Так находит свое внешнее выражение его неповторимая индивидуальность. Сложные субординационные, иерархические связи, характерные для человека, могут быть, по мнению Ананьева, представлены следующим образом:

индивид → личность → индивидуальность.

«Единый человек, – пишет Б. Г. Ананьев, – как индивидуальность может быть понят лишь как единство и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности, к структуре которых функционируют природные свойства человека – индивид».

Благодаря противоречивому сочетанию в человеке свойств открытой и закрытой систем, его сознание является одновременно и субъективным отражением объективной реальности, и внутренним миром личности. Механизмом и одновременно результатом диалектической связи этой открытости и закрытости человеческой личности выступает общение и обособление.

Понятия «индивид», «личность» и «субъект деятельности» не тождественны по содержанию: каждое из них раскрывает специфический аспект индивидуального бытия человека. Индивид – это целостность и неделимость отдельной особи биологического вида, особенности конкретного представителя вида, отличающие его от других представителей этого вида. Личность может быть понята только в системе устойчивых межличностных связей, опо-

средствования содержанием, ценностями каждого из участников. Межличностные связи, формирующие личность в коллективе, внешне выступают в форме общения, характерные для предметной деятельности. Это значит, что отношение индивида к другому индивиду опосредствуется объектом деятельности. Всё сказанное позволяет понять личность в качестве субъекта относительно устойчивой системы межличностных отношений, складывающихся в деятельности и общении [12].

Детерминация развития индивида имеет системный характер и отличается высокой динамичностью. Она необходимо включает как социальные, так и биологические детерминанты. Говоря о понятиях «индивид», «личность» и «субъект деятельности», мы говорим о соподчиненных понятиях, следовательно, уровни регуляции психических процессов также имеют соподчиненную, уровневую тенденцию. Становление личности есть процесс социализации человека, который состоит в освоении им своей родовой, общественной сущности. Становление личности связано с принятием индивидом выработанных в обществе социальных функций и ролей, социальных норм и правил поведения, с формированием умений строить отношения с другими людьми. Сформированная личность есть субъект свободного, самостоятельного и ответственного поведения в социуме.

Важнейшим шагом в раскрытии структуры деятельности является уяснение ее своеобразия как специфически человеческой формы активного отношения. Ключом к раскрытию своеобразия человеческой активности является тезис о ее биологической и социальной детерминации. Сущность биологической детерминации предполагает, по крайней мере, следующее: во-первых, инициацию взаимодействия на основе биологически обусловленных потребностей; во-вторых, организацию взаимодействия в соответствии с закономерностями внешней реальности как пространственно-временной целостности; в-третьих, осуществление взаимодействия на основе биологически обусловленных физиологических и нейрофизиологических механизмов. Социальная детерминация взаимодействия человека с внешним миром характеризуется соответственно относительной независимостью от биологических потребностей; отражением в способах организации социальной реальности как особого типа реальности, имеющего свои закономерности; отсутствием жесткого закрепления социально-детерминированных форм отношения биологически обусловленными механизмами физиологических и нейрофизиологических процессов. Признание двойной детерминации человеческой деятельности имеет ряд следствий. Важнейшее в контексте настоящего изложения следствие касается представления о многоуровневой структуре деятельности. Система деятельности оказывается реализацией биологических законов, закрепленных физиологическими и нейрофизиологическими механизмами, ограниченной в определенной мере диапазоном их возможностей. Деятельность как бы ограничена «снизу» физиологической

системой, через которую и оказывают на деятельность влияние биологические законы.

В то же время деятельность как социально-детерминированное отношение оказывается в определенном смысле свободной от биологической детерминации, ориентированной на ценности и закономерности социальной жизни. Одновременное сочетание в целостной системе требований двух различных сфер реальной жизни может быть достигнуто лишь при условии многоуровневости структуры. «Непрерывность» переходов от уровня к уровню, от биологической обусловленности и ее закрепления в физиологических механизмах к социально-детерминированным формам отношения и взаимодействия, свободным от биологической обусловленности, придает деятельности характер целостности, диалектически объединяющей компоненты, имеющие различную природу. Единство проявлений в деятельности биологической и социальной детерминации достигается за счет «вертикальных» субординационных связей ее структурных составляющих.

Следует четко определить качественные особенности каждого уровня, сформулировать критерии их выделения. Наиболее обоснованным, на наш взгляд, является критерий, базирующийся на различении содержания составляющих компонентов.

Если рассматривать саморегуляцию на индивидном уровне, то уместно говорить о простейшем неосознаваемом уровне регуляции психической деятельности.

Способность к регуляции психических процессов и состояний отмечалась еще в работах Аристотеля. Однако в большинстве проанализированных нами работ регуляция осуществляемого действия и различных психических процессов не ставится как особая проблема [4].

Идея регуляции деятельности психикой принадлежит И. М. Сеченову и связана с рефлекторной теорией психического. Развивая сеченовское понимание регуляции, С. Л. Рубинштейн разделяет ее на побудительную и исполнительную, намечая тем самым переход от общей идеи психической регуляции к изучению ее конкретных форм и механизмов. Наличие разных механизмов психической регуляции отчетливо выступает в традиционном различении произвольных и непроизвольных психических процессов. В свою очередь, дифференциация этих механизмов приводит к постановке вопроса об организации психической активности человека в целом [13].

Огромная заслуга в постановке и раскрытии важных аспектов проблем психической саморегуляции принадлежит В. М. Бехтереву, а также его ученикам и последователям в лице Л. Ф. Лазурского, М. Я. Басова, В. Н. Мясищева.

По мнению В. М. Бехтерева, психическая саморегуляция – это сознательное воздействие человека на собственную сферу психических явлений (психических процессов, состояний, свойств) с целью поддержания или изменения характера их функционирования. А. В. Запорожец (1986), основываясь на мысли Сеченова, выдвинул гипотезу о том, что не-

произвольные движения человека превращаются в произвольные, благодаря тому, что они становятся ощущаемыми, т.е. осознаваемыми.

Б. Г. Ананьев был одним из первых отечественных психологов, увидевшим перспективу полезного применения концептуального аппарата кибернетики в психологических исследованиях. Он трактует работу головного мозга как «сложную организацию контуров регулирования с многочисленной цепью звеньев, включающих объекты регулирования, измерительные и исполнительные устройства, механизмы обратной связи, обеспечивающие постоянство регулируемой величины. Можно думать, что в мозговой деятельности человека совмещены все типы обратных связей, свойственные живым управляющим системам» [2].

По мнению А. О. Прохорова, механизмы саморегуляции имеют место уже на клеточном уровне организации жизнедеятельности человека. В основе единства и целостности организма человека как биологической системы лежат химическая и нервная саморегуляции физиологических функций. Саморегуляция пронизывает все психические явления, присущие человеку, – саморегуляция отдельных психических процессов: ощущения, восприятие, мышление и др.; саморегуляция собственного состояния, или умение управлять собой, ставшее свойством человека, чертой его характера в результате воспитания и самовоспитания, включая саморегуляцию социального поведения субъекта [19].

Говоря о биологической регуляции прежде всего подразумевается нейрогуморальная регуляция психической деятельности. Биологическое регулирование психической деятельности возможно, поскольку сама психика является функцией центральной нервной системы. Таким образом, естественно, что при изменении состояния головного мозга, а также химического состава крови изменяется психическая деятельность человека.

К. А. Абульханова-Славская понимает под психической саморегуляцией человека его способность к организации собственной активности; ее мобилизации, регулирования, согласования с объективными требованиями и активностью других людей. В процессе саморегуляции субъектом деятельности регулируется уровень психической активности, соответствующий данным условиям деятельности, длительность напряжения, производится точный расчет психических ресурсов и их рационального расходования. Все эти параметры системным образом регулируются самим человеком, являющимся субъектом деятельности [1].

По мнению К. А. Абульхановой-Славской, проблема психической регуляции деятельности должна ставиться с учетом как конкретных механизмов регуляции, так и общих методологических принципов, прежде всего принципа субъекта деятельности. Этот принцип позволяет понять, каким образом согласованы регуляция деятельности обществом, с одной стороны, и личностью – с другой [14].

В разработках обобщенной модели регуляции психической деятельности Ю. Я. Голикова и

А. И. Костина в качестве методологического основания модели положено сочетание системного и межсистемного подходов, что отражает, по мнению авторов, как целостность, так и неустойчивость, неупорядоченность процессов регуляции. В модели психическая активность разделяется на три типа: текущая, ситуативная и долгосрочная. Текущая активность инициализируется необходимостью обеспечения непосредственного реагирования на события, ситуативная – поиском выхода из некоторой ситуации, долгосрочная – формированием общей стратегии поведения [19].

Исследуя развитие индивида, психология, конечно, не ограничивается анализом только отдельных психических функций и состояний. Её прежде всего интересует формирование и развитие личности человека. В этой связи проблема соотношений биологического и социального выступает преимущественно как проблема организм и личность. Одно из этих понятий сформировалось в контексте биологических, другое – социальных наук, но и то, и другое относится к индивиду как представителю вида «человек разумный» и как члену общества. Вместе с тем в каждом из этих понятий фиксируются разные системы свойств человека: в понятии «организм» – структура человеческого индивида как биологической системы, в понятии личность – его включённость в жизнь общества.

С. Л. Рубинштейн считал, что все психические процессы, с изучения которых начинается анализ психического содержания деятельности человека, протекают в личности, и каждый из них в своём реальном протекании зависит от неё. Зависимость психических процессов от личности как индивидуальности выражается, во-первых, в индивидуально-дифференциальных различиях. Люди, в зависимости от общего склада их индивидуальности, различаются по типам восприятия и наблюдения, памяти, внимания. Зависимость психических процессов от личности выражается в том, что они, не имея самостоятельной линии, зависят от общего развития личности, а также в том, что у человека они превращаются в сознательно регулируемые действия или операции, которыми личность как бы овладевает и которые она направляет на разрешение встающих перед ней в жизни задач.

Подходы к исследованию личностной саморегуляции можно условно расположить в рамках континуума «личность–деятельность». На крайних полюсах будут находиться концепции, которые рассматривают личностную регуляцию в «чистом виде», вне деятельностного контекста, как работу с собой по изменению собственных ценностей, установок, мотивации и т. д., и концепции, которые представляют лишь операциональный подход к произвольным процессам, игнорирующие индивидуальную специфику в их реализации [16].

А. К. Осницкий также разделяет личностную и деятельностную саморегуляции: «...саморегуляция деятельности обнаруживает себя в феноменологии предметных преобразований и в преобразовании прилагаемых усилий. Саморегуляция личностная

связана преимущественно с определением и коррекцией своих позиций (в рамках культурно-исторической традиции, закрепленных в нормах социума)... Личность «окрашивает» деятельность гуманностью или негуманностью целей, точнее, – гуманностью или негуманностью смыслов» [17].

В контексте изучения личностной саморегуляции Ю. А. Миславский включает в состав структурно-функциональных компонентов системы саморегуляции личности следующие составляющие: ценности и цели, идеалы и образ «Я», а также уровень притязаний и самооценивание (самооценку) [19].

Л. П. Гримак считает, что личностный уровень регуляции должен исследоваться в широком контексте процессов жизнедеятельности, где в качестве основного механизма регуляции выступает жизненный выбор. «Личностные уровни регуляции жизнедеятельности мобилизуются в тех случаях, когда надо переделывать не обстоятельства, не жизнь, а самое себя, личностные свои ценности и психологические установки» [5].

Личностная саморегуляция изучались в рамках концепций волевого овладения личностью своим поведением (Л. П. Басов, В. И. Селиванов, В. А. Иванников, Т. И. Шульга, А. В. Быков, Т. Куль и др.). Волево поведение рассматривается различными авторами как процесс производства новых мотивационных образований, способствующих развертыванию поведения в выбранном направлении. В современных исследованиях волево поведение рассматривается как процесс произвольного формирования побуждений.

При изучении подходов к волевой регуляции поведения человека необходимо отметить принадлежности ее к нескольким направлениям. С одной стороны, это преобразование произвольных психических процессов в произвольные, с другой – обретение человеком контроля над своим поведением, с третьей – выработка волевых качеств личности.

М. Я. Басов считал, что своеобразным психический механизм, через который личность регулирует свои психические функции, является воля. Она, прилаживая их друг к другу и перестраивая их в соответствии с решаемой задачей. М. Я. Басов полагал, что восприятие, мышление, эмоции (чувствование), движения регулируются вниманием через смену содержания сознания, то есть через отвлечение внимания. Воля лишена способности порождать действия или мысли, она только регулирует их, считал он [8].

Б. В. Зейгарник рассматривает саморегуляцию как сознательный процесс, направленный на управление своим поведением. Ею выделяются два уровня саморегуляции: операционально-технический, связанный с сознательной организацией действия с помощью средств, направленных на его оптимизацию, и мотивационный, связанный с организацией общей направленности деятельности с помощью сознательного управления своей мотивационно-потребностной сферой [7].

В. И. Селиванов включал регуляцию эмоций и психических состояний, создание психической ус-

тойчивости, обеспечивающей успешность деятельности. В. И. Селиванов считал, что способностью человека сознательно регулировать свое поведение обладает воля. Он указывал, что воля есть регулирующая функция мозга, выраженная в способности человека сознательно управлять собой и своей деятельностью, руководствуясь определенными побуждениями и целями [21].

По мнению Е. П. Ильина, волевая регуляция реализуется через разновидность волевых действий, для которых существенным становится проявление волевых усилий и которые соотносятся с волевым поведением. По мнению Е. П. Ильина, именно воля как сознательная организация и саморегуляция позволяет человеку управлять своими чувствами, действиями, познавательными процессами. В рамках индивидуальных различий волевой сферы выделяемые параметры могут характеризовать как волевою сферу человека в целом, так и отдельные звенья волевого акта [9].

Как особую форму регуляции поведения понимает волю Л. М. Веккер. Он выделяет три формы регуляции: произвольную, произвольную и волевою. Волевая регуляция есть высшая форма произвольной регуляции поведения со стороны личности, когда регуляция осуществляется на основе критерия интеллектуальной, эмоционально-нравственной и общесоциальной ценности. Необходимостью волевой регуляции Л. М. Веккер связывает с переводом регуляции на личностный уровень [8].

В концепции В. А. Иванникова роль личности в волевой регуляции проявляется в способности к смыслообразованию при недостатке мотивации для осуществления или прекращения действия (Иванников, 1991). При этом управление поведением в процессе преодоления трудностей в деятельности опосредуется волевыми качествами личности. В. А. Иванников выделяет четыре типа критериев волевой регуляции. Волевая регуляция проявляется:

- 1) в волевых действиях;
- 2) в выборе мотивов и целей;
- 3) в регуляции внутренних состояний человека, его действий и различных психических процессов;
- 4) в волевых качествах личности [8].

Проблемы саморегуляции рассматривались так же в русле деятельностного подхода. Неслучайно большинство ранних отечественных исследований проблем саморегуляции было связано с изучением регуляции какой-либо конкретной деятельности: профессиональной (изучение сенсомоторной деятельности человека–оператора), учебной, спортивной и т. д. Большинство подобных исследований были направлены на поиск путей оптимизации деятельности, например повышения продуктивности в условиях взаимодействия в системе «человек–машина», или повышения эффективности деятельности в экстремальных условиях. (О. А. Конопкин, 1980; Н. Д. Завалова, Б. Ф. Ломов с соавт., 1986; А. В. Махнач, 1993).

Согласно взглядам С. Л. Рубинштейна [20], специфическими способами реализации психической активности являются «сознание» и «действие».

Можно сказать, что активность человека как индивида, личности и индивидуальности осуществляется в форме «действия», т. е. различных видов активности (практическая деятельность, общение, познание, поведение и т. д.) и регулируется «сознанием» в форме процессов саморегуляции различных видов активности (функциональные системы, кольцевой контур регуляции, система осознанной саморегуляции деятельности и т. д.). Такое выделение двух сторон единого процесса психической активности человека в форме двух специфических способов его существования послужило методологической предпосылкой и в какой-то мере предопределило развитие психологических представлений о возможности относительно независимого выделения процессов активности и процессов регуляции этой активностью на каждом из уровней организации психики человека [19].

«Психическая саморегуляция человеком своей деятельности, – пишет О. А. Конопкин, – является высшим уровнем регуляции поведенческой активности биологических систем, отражающих качественную специфику реализующих ее психических средств отражения и моделирования действительности и самого себя, своей активности и деятельности, поступков, их оснований» [10]. Существенным в контексте данного исследования является вопрос, как соотносятся процессы саморегуляции и виды психической активности и деятельности. Развивая представления С. Л. Рубинштейна, который выделял две специфические формы существования человека – деятельность и сознание, в концепции осознанной саморегуляции проводится мысль о согласованности деятельности и ее саморегуляции в том смысле, что принятая субъектом цель определяет как направленность деятельности, так и ее регуляцию, т. е. какой операционально и содержательно будет саморегуляция, такой будет и деятельность. И в этом их единство, но и не тождество, не одно и то же и они могут не совпадать по своей направленности, структуре, смыслу и даже по времени, что было доказано как теоретически, так и экспериментально (О. А. Конопкин, 1980, О. А. Конопкин, В. И. Моросанова, В. И. Степанский, 1992) [16].

Саморегуляция понимается В. И. Моросановой как целостная система выдвижения и управления достижением целей поведения и деятельности. Эта система реализуется процессом осознанной саморегуляции, имеющим универсальную структуру для разных видов активности и деятельности. Система реализуется соответствующими частными регуляторными процессами выдвижения целей, моделирования значимых условий, программирования действий, оценивания и коррекции результатов. Индивидуальные особенности саморегуляции характеризуются тем, как человек планирует и программирует достижение цели, учитывает значимые внешние и внутренние условия, оценивает результаты и корректирует свою активность для достижения субъективно-приемлемых результатов. В этой концепции не только констатируется, что когнитивные процессы переработки информации имеют определенную

структуру, но и разработаны теоретические и методические подходы к исследованию индивидуальных различий и их личностных предпосылок [15].

Понятие индивидуального стиля саморегуляции предложено В. И. Моросановой как средство реализации субъектного подхода к исследованию индивидуально-типических форм произвольной активности человека. В. И. Моросановой было представлено как в теоретическом, так и в эмпирическом плане, что динамические, личностно-темпераментальные диспозиции (например экстраверсия и интроверсия) могут быть описаны специфическими профилями индивидуальных особенностей саморегуляции. А степень и своеобразие субъектной активности, проявляющиеся в таких субъектных качествах, как творчество, автономность, настойчивость и др., определяют способность преодолевать субъективные и объективные трудности достижения жизненных целей и, в свою очередь, способствуют через регуляторный опыт формированию личностных качеств [15].

В системно-деятельностной концепции психической саморегуляции состояния, развиваемой Л. Г. Дикой совместно с сотрудниками лаборатории, психическая саморегуляция рассматривается одновременно как психическая деятельность и как психологическая система, это позволяет в выборе детерминант реализовать принципы полисистемного подхода и межсистемного анализа, то есть выделить те детерминанты, которые представляют собой системные основания саморегуляции.

Принцип субъекта деятельности, по мнению Л. Г. Дикой, дает возможность реализовать в экспериментальных исследованиях саморегуляции в деятельности человека принципы активности, развития и показать, что именно они и составляют ядро саморегуляции [6].

Концепция субъекта деятельности дает комплексную характеристику психологической системы деятельности, предполагающей взаимную соотнесенность состояний, способностей, отношений индивида и объективных условий его деятельности. Способность организации собственной активности – ее мобилизации, направления, согласования с объективными требованиями и активностью других людей – важнейшая характеристика личности как субъекта деятельности и одновременно отличительная черта личностного уровня регуляции деятельности [14].

Принцип субъекта деятельности позволяет понять, каким образом согласованы регуляция деятельности обществом, с одной стороны, и личностью – с другой. Таким образом, появляется возможность связать объективные общественные структуры деятельности (с их нормативными требованиями) с личностно-психологической структурой деятельности (отношение к деятельности, цели, мотивация, способности, активность личности и т. д.) [14].

Следующий тезис, вытекающий из признания социальной обусловленности деятельности касается особенностей ее регуляции. Для пояснения этих особенностей обратимся к аналогии с понятием «регуляция» в общей теории систем.

Принято различать два типа регулирования: пассивный и активный. Механизмы пассивного регулирования как бы встроены в систему, их регулирующее воздействие ограничивается прямыми связями элементов, входящих в систему. Механизмы активно-

го регулирования основываются на появлении или выделении специфических образований, изменяющих характер прямых связей координации и субординации и преобразующих всю систему. Они требуют дополнительных затрат, в то время как пассивное регулирование осуществляется без специальной ресурсной поддержки по принципу экономии.

Управление деятельностью, ее регулирование осуществляется по активному типу посредством особого механизма. Природа этого механизма имеет свои истоки в области социальной детерминации деятельности, сам этот механизм делает возможным воздействие социальной среды на индивидуальную жизнь и деятельность.

Две стороны взаимоотношений человека и его социального окружения – отношения социально-культурного мира к индивидуальности и индивидуальности к этому миру – определяют характер процессов регулирования и выступают в виде значений и смыслов.

Значение может быть представлено как структурный элемент деятельности, выполняющий функции регулирования ее индивидуальных форм с учетом закономерностей социального бытия. Оно фиксирует устоявшиеся культурные нормы взаимоотношений человека с его внешним, в том числе социальным окружением. Именно регуляция деятельности посредством значений обеспечивает возможности усвоения социального опыта, развитие форм общения и потребления продуктов культуры, обеспечивает реализацию деятельности познания, производства материальных и культурных ценностей, общения, обучения, игры.

Логично предположить, что в значениях стабилизируются «нормы» регуляции деятельности, «нормы» связей содержания ее структурных составляющих, не требующих постоянного личностного отношения. Субъект, однажды усвоив то или иное значение, последующие акты деятельности реализует на его основе без специальной личностной оценки.

Смысл может быть представлен как структурный элемент деятельности, выполняющий функции ее регуляции как неповторимой, индивидуально-личностной деятельности в контексте актуального социального окружения и актуального мотива. Смысл характеризует изменчивость, вариативность индивидуальных проявлений деятельности при относительном постоянстве «норм» взаимоотношений с внешним окружением, раскрывает личностную пристрастность деятельности. Возникнув в индивидуальной деятельности как отношение мотива к цели, смысл передается через продукты деятельности, через непосредственное и опосредованное общение другим людям, закрепляется в культуре в виде значения, а затем снова, уже в виде значения, становится достоянием сознания отдельного человека и регулятором деятельности.

Переход смысла в значение через систему социально-культурных отношений может рассматриваться как механизм развития деятельности, закрепления социально одобренных форм ее регуляции. Смысл выступает как регулятивный механизм для высших уровней организации деятельности, опосредует их координационные и субординационные связи.

Отношение между смыслом и значением в регуляции деятельности на разных ее уровнях находит

выражение прежде всего в единстве сознания. И смысл, и значение обеспечивают целенаправленный осознанный характер деятельности. Этим объясняется, в частности, то, что личностный уровень рассматривается как центральный, ведущий не только в силу его местоположения в структуре, но и в силу сосредоточения в нем особенностей регуляции целостной деятельности.

В различных видах деятельности соотношения смысла и значения могут быть представлены по-разному. Смысл может совпадать со значением. В этом случае и содержание компонентов деятельности, и ее регуляция соответствуют сложившимся в культуре и социально одобренным способам взаимодействия, а деятельность в целом носит репродуктивный характер.

При несовпадении смысла и значения ведущая роль в регуляции принадлежит смыслу. Деятельность в этом случае может дать новые неожиданные результаты как для самого субъекта, так и для общества в целом. Это продуктивный тип деятельности, в котором наиболее ярко раскрываются творческие способности человека, его интеллектуальный и личностный потенциал. Ведущая роль смысла продемонстрирована во многих исследованиях интеллекта, творческих процессов, личности, закономерностей освоения знаний и формирования умений в процессе обучения и воспитания. Логика анализа характера регулирования деятельности по активному типу посредством смыслов и значений предполагает, что эти составляющие деятельности могут рассматриваться как системообразующие факторы, придающие деятельности специфически человеческие черты.

### Литература

1. Абульханова-Славская, К. А. Деятельность и психология личности [Текст] / А. К. Абульханова-Славская. – М.: Наука, 1970. – 336 с.
2. Ананьев, Б. Г. Билатеральное регулирование как механизм поведения / Б. Г. Ананьев // Вопросы психологии. – 1963. – № 5. – С. 80 – 85.
3. Ананьев, Б. Г. О проблемах современного человекознания. – М.: Наука 1977. – 380 с.
4. Аристотель. О душе. Собрание сочинений. В 4-х т. – Т. 1. – М.: Педагогика, 1975. – 427 с.
5. Гримак, Л. П. Общение с собой / Л. П. Гримак. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – 205 с.
6. Дикая, Л. Г. Психологическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход) / Л. Г. Дикая. – М.: Институт психологии РАН, 2003. – 318 с.
7. Зейгарник, Б. В. Саморегуляция поведения в норме и патологии / Б. В. Зейгарник, А. Б. Холмогорова, Е. С. Мазур // Психологический журнал. – 1989. – Т. 10. – № 2. – С. 122 – 132.
8. Иванников, В. А. Психологические механизмы волевой регуляции. – М.: УРАО, 1998. – 144 с.
9. Ильин, Е. П. Психология воли / Е. П. Ильин. – СПб: Питер, 2000. – 288 с.
10. Конопкин, О. Н. Функциональная структура саморегуляции деятельности и поведения /

О. Н. Конопкин // Психология личности в социальном обществе. – М.: Наука, 1989. – С. 158.

11. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М., 1975.

12. Мироненко, В. В. Хрестоматия по психологии: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1977. – 528 с.

13. Морозова, И. С. Волевая регуляция деятельности: учеб. пособие [Текст] / Г. П. Горбунова, И. С. Морозова; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 95 с.

14. Морозова, И. С. Личность и саморегуляция деятельности: учеб. пособие [Текст] / И. С. Морозова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 110 с.

15. Моросанова, В. И. Стилиевые особенности саморегуляции личности [Текст] / В. И. Моросанова

// Вопросы психологии. – 1991. – № 1. – С. 121 – 127.

16. Моросанова, В. И. Самосознание и саморегуляция поведения / В. И. Моросанова, Е. А. Аронова. – М.: Институт психологии РАН, 2007. – 213 с.

17. Осницкий, А. К. Проблемы исследования субъектной активности / А. К. Осницкий // Вопросы психологии. – 1996. – № 1. – С. 5 – 19.

18. Петровский, А. В. Быть личностью / А. В. Петровский. – М.: Педагогика, 1990. – 112 с.

19. Прохоров, А. О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности / А. О. Прохоров. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – 352 с.

20. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – М., 1973. – 416 с.

21. Селиванова, В. И. Вопросы психологии воли / под ред. В. И. Селиванова. – Рязань, 1979. – 134 с.